

совѣтскаго режима, организаторомъ педагогическаго дѣла и вдохновителемъ совѣтской педагогики... Нынѣ онъ ушелъ въ другой мѣръ, такой же чистый и незапятнанный, какимъ былъ всегда.

Когда для Россіи вновь вернется возможность свободнаго философскаго творчества, вновь возстанетъ философская культура, имя Г. И. Челпанова, какъ неутомимаго борца и дѣятеля философской культуры, будетъ всегда поминаться съ любовью и благодарностью.

В. В. Зѣньковскій

ПАМЯТИ ГЕОРГІЯ ИВАНОВИЧА ЧЕЛПАНОВА

Печальная вѣсть о смерти Георгія Ивановича Челпанова, съ которымъ меня связывали старыя дружественныя отношенія, вызываютъ во мнѣ воспоминанія моей юности. Г. И. былъ первымъ философомъ, котораго я въ жизни встрѣтилъ и съ которымъ много бесѣдовалъ на философскія темы. Онъ былъ молодымъ приватъ-доцентомъ Кіевскаго университета, читалъ необязательный курсъ, посвященный критикѣ материализма, при переполненной аудиторіи. Потомъ изъ этого курса вышла его книга «Мозгъ и душа». Я былъ юнымъ студентомъ, марксистомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникомъ идеалистической философіи. Я почти никакихъ курсовъ въ Университетѣ не слушалъ, но часто ходилъ на курсъ Г. И. Челпанова о материализмѣ. Онъ былъ прекрасный лекторъ. Я очень сочувствовалъ критикѣ материализма. Научно-философская критика материализма въ то время была большой заслугой Г. И. Она была бы не меньшей заслугой и въ настоящее время въ Россіи. Я скоро познакомился съ Г. И. и сталъ часто бывать въ домѣ Челпановыхъ. У нихъ были журфики по субботамъ. Домъ ихъ въ Кіевѣ былъ интеллектуальнымъ центромъ. Жена Г. И. была очень талантливая женщина. Тамъ многіе бывали — Л. Шестовъ, В. В. Водовозовъ, А. М. Лазаревъ, немного позже С. Н. Булгаковъ, ставшій профессоромъ Кіевскаго политехническаго института. Мнѣ много давали философскія бесѣды съ Г. И. Челпановымъ. Мы принадлежали съ Г. И. къ разнымъ типамъ, онъ былъ «пастухомъ» въ философіи, я былъ «разбойникомъ» въ философіи (противоположеніе этихъ типовъ принадлежитъ Ницше). Но у Г. И. была широта и разнообразіе

умственных интересовъ, умъ его былъ открытый и съ нимъ можно было обо всемъ говорить. Не смотря на то, что онъ былъ прежде всего профессоръ, учитель и что философія его была очень академической по своему типу, въ немъ не было нѣрѣдко встрѣчающейся въ профессорской средѣ затхлости. Онъ всегда исключительно хорошо и тепло ко мнѣ относился, хотя многое во мнѣ должно было его беспокоить. У меня осталось самое отрадное воспоминаніе о посѣщеніяхъ челпановскаго дома. Кіевскій періодъ былъ періодомъ наибольшаго расцвѣта и наибольшей популярности Г. И. Послѣ его избранія профессоромъ Московскаго университета мы продолжали часто встрѣчаться, самыя лучшія отношенія у насъ сохранились до самой моей высылки изъ Москвы. Въ Москвѣ Г. И. былъ главнымъ образомъ занятъ созданіемъ Психологическаго института. Совѣтскій періодъ принесъ ему много разочарованій, хотя онъ былъ совершенно чуждъ политикѣ. Разочарованіе его были главнымъ образомъ связаны съ положеніемъ науки и философіи въ Россіи. Философія всегда имѣла у насъ печальную судьбу, она была заподозрѣваема справа и слѣва, она была утѣсняема въ старой Россіи и одно время даже было запрещено преподаваніе философіи. Въ совѣтской, коммунистической Россіи философія еще менѣе свободна, чѣмъ въ эпоху имп. Николая I, въ ней допускается лишь официальная государственная философія діалектическаго матеріализма. Г. И. былъ защитникомъ свободы философскаго знанія, свободы науки и могъ жить лишь въ атмосферѣ этой свободы. Особенно боролся онъ за развитіе психологической науки въ Россіи, которую онъ связывалъ съ философіей. Онъ былъ настоящимъ ученымъ, вѣрилъ въ науку. Въ книгахъ своихъ Г. И. не развилъ своей метафизики, книги его были посвящены главнымъ образомъ теоріи познанія и психологіи, но у него всегда была метафизическая тенденція, когда метафизика была еще въ загонѣ. Съ большой грустью узналъ я о печальныхъ послѣднихъ годахъ его жизни и о его смерти. Я храню самую дружескую память о Г. И. Съ нимъ связанъ долгій періодъ жизни.

Николай Бердяевъ